

Б Р У К Л И Н , 4 2 - я У Л И Ц А

1

Бруклинская 42-я улица в Боро-парке — непривлекательная и однообразная, как и все прочие улицы рядом. Зимой — более чистая, чем летом. Осенью — более теплая, чем весной. Промзоны, — от побережья Нью-Йоркского залива, — Сансет-парк и кладбище Зеленого леса — вцепились в нее, как пьяные дружки, чтоб, не дай Бог, она от них не слиняла. На нее натыкаются, точнее, ее пересекают мексиканская 5-я авеню, китайская Восьмая и хасидская Тринадцатая, а в одном месте над ней висит металлическое сооружение сабвея, которое накрывает собой весь Нью-Утрехт. А остальное — все, как и везде: прачечные, лавочки, пекарни, парикмахерские, школы, костелы, синагоги, дома, — и одинокие машины, которые, казалось, никогда не двигаются с места, и жители, которые, казалось, никогда не умирают.

С холма Сансет-парка открывалась панорама бухты, виднелся шпиль католической церкви и доносился шум 5-й авеню. Пятая была заселена латиносами, тут продавали сомбреро, ковбойские сапоги, а на оструганных палочках — желтое очищенное манго в форме распутившегося цветка. На склонах парка мексиканцы с ранней весны и до поздней осени играли в футбол, на который смотрели их многодетные семьи, попивая холодные напитки, заедая время вареной кукурузой. У мексиканцев времени было много, может, поэтому они постоянно ели и постоянно играли в футбол. В футбол они играли даже речью, бросая круглые слова друг другу в лицо, с широкими улыбками кукурузных зубов. Ресторанчики на 5-й авеню пахли соусом чили, каблукки блестели медными подковами; плакали дети и кричали женщины. На религиозные праздники они устраивали процессии со щекочущим ухо пением, с иконой Гваделупской Девы Марии во главе. Процессия растягивалась на несколько кварталов, и празднично одетые прихожане разбрасывали перед образом, кото-

рый несли четверо мужчин на деревянных носилках, красные цветы и растаптывали их тысячами своих ног. Путь процессии был устлан пережеванной массой цветов — словно обозначая этим начало ее и конец, то есть жизнь и смерть.

Затем, оставив певунов-мексиканцев и их музыкальную и кислосладкую, словно спелое манго, 5-й авеню, идя под гору и миновав ничем не приметную Седьмую, попадаешь в Китай. Если это конец января, то китайский Новый год выйдет вам навстречу, но если вы не успели, то красные полосы реклам с золотыми иероглифами будут рекламировать только что зажаренных пекинских уток, выставленных на крюках в широких окнах ресторанов, или дешевые китайские товары в прижатых один к другому магазинчиках. Сухие, как листья табака, китайцы, почти не говоря по-английски, будут зазывать в свои лавочки. Тут такая же суета. Точно такие же пускающие слюни со сна дети на увядших руках своих матерей. Китайцы в футбол не играют, зато много курят, сигареты — китайские, дешевые и вонючие. Они курят и режутся в карты, они громко выкрикивают, они пахнут жиром откормленных уток и лаком для мебели. В китайских овощных лавках продают разные приправы и зелень, вокруг этих лавок китайские пряности сбивают прохожих с ног и забивают им носы ароматами. Запах рыбы длинным хвостом плетется за вами, ударяя наотмашь, как только что пойманный карп, скользкий, с окровавленными жабрами. 8-я авеню никогда не спит, не выключает свет, не прекращает работу, не перестает заниматься любовью и рожать детей, не перестает быть китайской даже тут, в Бруклине, так научил их Конфуций.

Когда перед Рош Ашана запекают яблоки в меду и когда по всем синагогам трубят в шофар, евреи приходят на реки, чтобы помолиться, потому что в эти дни решается на небесах, кому жить, а кому умереть, поэтому самая полноводная река хасидов в Бруклине, которая плывет в воздухе и плывет через их сердца и желудки и куда они приходят чаще всего — 13-я авеню. 13-я — место жизни и хаоса, магазинчиков с бриллиантами и золотом, кошерных ресторанчиков, швейных и часовых мастерских. меховыми шапками и шелковыми халатами устланы пути к синагогам, а слово, вычитанное в Талмуде, носят, будто куриное яйцо, осторожно, потому что оно теплое и белое. И качаются бороды и пейсы над страницами Талмуда, и вычитываются золотые слова, и ежесубботне надеваются мужчинами

выглаженные и накрахмаленные белые рубашки, а на обритые женские головы — новые парики, зажигаются в хасидских жилищах свечи в серебряных канделябрах. И наливается вино, и смеются дети, и колышется 13-я авеню от пения до пения, от белой халы до белой халы, от запеченной курицы до фаршированной рыбы. И рабыни, и талмудисты благословляют эту жизнь и ожидают Мессию уже пять тысяч лет.

2

Кирпичный дом с коваными черными дверями и тяжелым замком стоял в сплошном ряду похожих зданий, ближе к 9-й авеню. Следующий дом, которым завершался отрезок 42-й улицы, между 8-й и 9-й авеню, — заброшенный: окна и входные двери забиты толстой фанерой, а в дыры, образовавшиеся от жары и дождей, пролезали еноты и атлантические ветры. В этот дом с фанерными глазницами иногда наведывались его хозяева с инспектором, проверяя на прочность фанеру — не пролез ли кто внутрь и не свил ли там себе гнездо. По окрестностям шатались наркоманы и бомжи, которые выискивали такие дома, селились в них, пока полиция принудительно не забирала их в ближайшую ночлежку. На углу 42-й улицы и 9-й авеню, с фанерной катарактой и неприятным запахом внутри, дом ожидал своих жильцов и своего часа. 859-ый, наоборот, был загружен по горло. В нем если и пустовали одна-две квартиры, то для них быстро находились новые постояльцы.

Над черными дверями у фасада виднелась надпись «Leonard Court». Внутри же, в длинном коридоре, мощенном белой мозаикой с двумя рядами коричневых полосок, которые окантовывали коридорную дорожку, было две лестницы. Одна — слева, почти при входе, вела в северное крыло, а другая — в конце — в южное. Вместе с соседним домом 859-й составлял внутренний дворик, двери в который были наглухо закрыты. Внутренний дворик можно было видеть, поднимаясь к квартирам обоих крыльев дома — северного и южного. Из северного крыла лучше был виден пустой квадрат внутреннего дворика, не имевшего иного предназначения, как служить местом, куда жильцы выбрасывали мелкие кухонные вещи, поломанные стулья, бумажные пакеты, а над его ямой натягивали

веревки для белья, прибывая нехитрую конструкцию к стене металлическими крюками. Развешивали белье, а высушив, притягивали с помощью валиков к своему кухонному окну, рамы которого пронзительно скрипели.

В северном стояке на каждом этаже было по четыре квартиры, а в южном — по три.

Дом принимал всех. На первом этаже жили две семьи — пуэрториканки бабушка Габриэла, мама Аманда и внучка Николь, и еврей из Латвии — два старика с белой собачкой и тележкой, на которой привозили себе продукты из супермаркета, Бася Моисеевна и Григорий Маркович. Из пуэрториканской квартиры постоянно звучала веселая музыка, а пуэрториканская бабушка, сорокапятилетняя женщина, подложив подушку, вечно высовывалась в окно, которое выходило на 42-ю улицу. Дом напротив был заселен ее земляками, в его окнах торчали женщины с такими же подушками — слушая музыку и вываливая свои женские прелести, пританцовывали. Пуэрториканки делились новостями, поварскими рецептами, не посещая друг друга годами. В пуэрториканском доме — напротив 859-го — сидел на ступеньках и пил кофе супер¹, он тоже слушал разговоры этих женщин и музыку. И два раза в неделю выносил черные полиэтиленовые мешки с мусором, — а потом снова садился на ступеньки пить кофе.

Две семьи из Бангладеш занимали второй этаж южного крыла. Когда проходишь этаж, от специфического запаха их кухни, доносящегося вместе с голосами жильцов этих квартир, переворачивало все внутри. Этажом выше, над бангладешцами, много лет назад, с какого времени — не помнил никто, поселились две американские семьи: двое стариков Джонсонов с дочкой Ненси, конченной наркоманкой, к которой как-то прибилась молодой наркоман Майкл. Ненси жила с Майклом, имея на руках четверо детей: шестнадцатилетнюю Марго, тринадцатилетнюю Сафаер и еще двоих — им было не больше шести и трех лет — Мери и Джонатана. Рядом с семьей Джонсонов, о чем свидетельствовала прибитая на дверях квартиры металлическая табличка, обитала метиска Аманда с мужем Джеком и их сыном, который с недавнего времени стал колотиться, разбрасывая на этаже одноразовые шприцы. Аманда их подметала и выбрасывала через окно в яму внутреннего двора. Ненси с Майклом

¹Портье.

часто курили марихуану в открытое окно между этажами, стряхивая пепел на лежащего в отключке сына Аманды, и кричали на своих детей, чтобы те не показывались в дверях квартиры. Старик Джонсон содержал всю семью, работая в каком-то медицинском учреждении водителем. Он парковал свой белый «шевроле», вываливался из кабины с пакетами, полными продуктов, сгребал их под мышку, одной рукой открывал двери дома и исчезал в темном коридоре. Внуки, словно голодные волчата, ожидали приезда деда, потому что их мама и отчим могли целый день простоять возле дома в сомнамбулическом состоянии.

На четвертом этаже северного крыла однокомнатную квартиру снимала Надежда с Ивано-Франковщины, лет сорока, приземистая, с сильными руками, так как перемыла половину хасидского Боро-парка.

— Та коза с Черчь говорила, что у нее есть какая-то полька на Гринпойнте...

— И что?

— Ну, говорила, что за пять штук полька сделает фиктивный брак...

— Пять штук... ого!

— Гляди, китаезы снова смотрят боевик.

— Брюс Ли?

— А я их не различаю.

— Лучше бы порно хоть раз принесли.

— Какое порно, баран, у них дети.

Такой разговор можно было подслушать в доме с зарисованным вензелем, в квартире, которую снимали двое мужчин, Геник и Зенник, на последнем, четвертом этаже.

Они поселились тут пару месяцев назад, дав коменданту несколько сотен вперед, чтобы он придержал это жилье, пока они свалят из своего полуподвального. И в течение нескольких часов перенесли свои вещи в сумках и рюкзаках.

Увидев пустое пространство новой квартиры, поняли, что предыдущий ее обитатель оставил для них свой полуспортивный велосипед, белый комод с наполненными электроникой ящиками и несколько бутылок пива в холодильнике. «Торопился пацан», — сделал вывод Геник, стоя посреди большой комнаты, пахнувшей пре-

дыдущим жителем и тараканами. Потом догадку Геника подтвердил супер, шестидесятидвухлетний ленинградец Коля, зайдя к новым постояльцам проверить, как они устроились, и отдать им ключи. По словам Коли, тот пацан не платил вот уже полгода, но зимой его ведь не выбросишь, поэтому ожидали весны, а пацан не дурак — смылся. Зеник, руммейт Геника, чтобы отвести подозрение, что они с Геником тоже временно, предложил суперу выпить пива. Он достал из холодильника «Будвайзер» и выпалил свой любимый тост — за фиг с нами и хрен с ними, — и первым открыл металлический язычок жестянки. Супер, нахваливая преимущества именно этой квартиры, показал на кухонное окно:

— Пока у вас нет телевизора, можно будет смотреть у китайцев.

— А звук? — поинтересовался Зеник.

— Немое кино, пацаны. Эдик, который тут жил до вас, всегда смотрел китайские фильмы на халяву.

Прощаясь, уже на пороге, Коля, показывая на соседнюю квартиру, предупредил, что соседский сын — наркоша и спит на лестнице. Его родители домой не пускают, поэтому надо переступить и не бояться.

С момента переселения Геника с Зеником прошло жаркое бруклинское лето, и наступила осень. Каждое утро они вставали и куда-то шли. Геник спешил на Тринадцатую в овощной магазин, где работал у хасида Дейвида. В принципе работа была не тяжелой — Геник целый день раскладывал овощи, выбирал гнилые, а когда хасид отлучался на обед, к гнилым добавлял качественные — и вечером забирал домой. С Геником работали кассир Педро и поляк Лешек. Поляк был в том же статусе, что и Геник, но он работал у хасида давно. Хасид целый день сидел на высоком деревянном стуле и наблюдал за покупателями и своими работниками. Иногда он, после телефонного разговора, давал указание, кому везти заказанные продукты. Геник брал тогда тележку, так как Лешеку это было в падлю, нагружал бумажными пакетами и развозил заказы по адресам. Получал чаевые и возвращался в лавку. Педро и Лешек каждую неделю после завершения шаббата открывали магазинчик в десять вечера и целую ночь были одни. Утром, в понедельник, приходил хозяин-хасид, пересчитывал ночную выручку, расспрашивал о покупателях, а затем шел в небольшую каптерку и смотрел видео. Геник появлялся в понедельник утром, когда Дейвид уже сидел на своем стуле, в белой рубашке, из-под которой висели френзлы талеса, и читал молитвен-

ные книги. Дейвид с Геником вообще не разговаривал, потому что Геник не петрил по-английски, — все распоряжения он передавал через Лешека.

Зеник каждое утро шел строить Нью-Йорк. По дороге он покупал кофе и направлялся в Нью-Утрехт. Там, возле детской площадки, приблизительно в семь часов утра его подбирал размалеванный минивэн.

3

Геник с Зеником прошли по платформе сабвея до конца перрона и стали ждать поезда. Это была обычная бруклинская станция — «9-я авеню». С облупившейся краской на стенах и ржавыми трубами коммуникаций. Было ветрено. И, как всегда в октябре, дождело. Бруклинское небо продырявленным решетом испускало дождь, как простуженный пузырь — мочу. В конце платформы молодая крыса упрямо возилась с бумажным пакетом возле металлической бочки для мусора, который за ночь не успели вывезти, но на нее никто не обращал внимания. Одиночные пассажиры, ожидая поезда, смотрели, как мокнут напротив цементный завод и несколько деревьев с табличкой, указывавшей на то, что перед ними парк. Станция находилась на поверхности и была отгорожена металлической сеткой.

— Всегда вынужден выбирать это долбанное место, — недовольно сказал Геник.

Они ожидали поезд в направлении Манхэттена.

Прошло полчаса с тех пор, как Геник с Зеником вышли из дома, но их задержали полицейские машины, перегородившие 42-ю улицу. За полицией примчались несколько пожарных и скорых из госпиталя Маймонидес. В соседнем доме умер двадцатилетний наркоман, его нашли на ступеньках между этажами. Люди вышли и, не обращая внимания на дождь, молча смотрели, как пожарники вынесли на носилках в целлофановом мешке покойника и поместили в скорую. Пока толпа еще стояла, возле подъезда появились свечка и скромный букетик цветов. Табун таких же двадцатилетних, как и тот, что отдал концы, пришел из окрестностей Боро-парка, они зажгли свечку и, усевшись на припаркованные машины, поминали дружка, покуривая марихуану.